

ПЕРСОНАЖИ

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПРАРОДИТЕЛИ ФРАКЦИЙ:

СВЕТЛЫЙ: Гуанмин

ТЕМНЫЙ: Цзиньлун

ИМПЕРИЯ ЧЖАО:

СЕМЬЯ ЧЖАО (СВЕТЛЫЕ):

Чжао Куанъинь — император

Чжао Сюй — наследный принц, первый принц

Чжао Сюин — вторая принцесса

Чжао Цзи — третий принц

Чжао Чжэнь — четвертый принц (†)

Чжао Юхэ — пятый принц

Чжао Шэнь — шестой принц

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ФРАКЦИИ СВЕТЛЫХ:

Хэлюй — верный слуга Чжао Шэня

Ян Гуан — советник, министр финансов

Ли Ихуан — советник, представитель императорского двора

Ду Минсинг — советник, министр юстиции

Син Су — советник, представитель трудовых лагерей

Госпожа Ян — дочь Ян Гуана

Госпожа Цю — дочь советника Цю

СЕМЬЯ ЛЮ:

Лю Чжунъян — первый брат семейства Лю

Лю Чживэй — вторая сестра семейства Лю

Лю Мэйцзюнь — третья сестра семейства Лю

Лю Ши — младшая сестра, близнец Цзи

Лю Цзи — младший брат, близнец Ши

МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ГЛАВ:

ГЛАВА I:

The Eternal Love —
Nine Part Rhyme
Breath of Life — Florence
+ The Machine

ГЛАВА II:

Ashes of Love — Unsullied
Monster — Hidden
Citizens

ГЛАВА III:

Legend of Yunxi — Sigh
Trouble — Adam Jensen

ГЛАВА IV:

*Ten Miles of Peach
Blossoms* — Liang Liang
House of Memories —
Panic! At The Disco

ГЛАВА V:

Princess Weiyong —
If Heaven Has
Compassion
Heathens — Twenty One
Pilots

ГЛАВА VI:

Bloody Romance —
A Lifetime Waiting
For You
Feeling Good — Michael
Bublé

ГЛАВА VII:

Lan Ling Wang — Heart
of Palms
Blood // Water —
grandson

ГЛАВА VIII:

Yu Ying — Miss
the Dragon
Natural — Imagine
Dragons

ГЛАВА IX:

The Legends — Zhao Yao
Survivor — 2WEI

ГЛАВА X:

Ashes of Love — Upwards
to the Moon
Start a War — Klergy,
Valerie Broussard

ГЛАВА XI:

Story of Yanxi Palace —
The Sound of Falling
Snow
Play with Fire — Sam
Tinnesz

ГЛАВА XII:

I Will Never Let You Go —
Juvenile in White
Darkside — Alan Walker

ГЛАВА XIII:

Rapid As Wildfires —
HOYO-MiX
*Bad Day For My
Enemies* — Adam Jensen

ГЛАВА XIV:

The Legends — A Far
Journey
Enemy — Imagine Dragons
and JID

ПРОЛОГ

Однажды я подслушала разговор ребятешек, они играли в Светлых и Темных. Никто не хотел быть Темным, потому что Темные были злом, были слабостью — Темные обречены проигрывать. Темными пугали непослушных детей: «Если не будешь слушаться, Темный придет в ночи и выпьет всю твою жизненную силу».

Но теперь в ваших историях появилось имя. Мое имя. Лю Чживэй — Великая императрица Темных — придет за тобой ночью, выпьет всю твою силу.

Потому не озоруй. Не упоминай мое имя вслух.

Иначе я услышу, я приду — и оставляю за собой реки крови.

Я не всегда справедлива, но вы не были справедливыми никогда — вы любили унижать, любили издеваться, любили причинять боль. И ваш страх — заслуженное наказание за грехи.

Моя сила была великой, но я допустила ошибки.

Первая из них — гордыня: я привыкла быть сильнейшей Темной, которой никто не смел угрожать. Я потеряла бдительность и поплатилась за это.

Вторая — я основала свою власть на ненависти. Я и мои соратники искали возмездия, были готовы на все ради него. Мы перестали различать оттенки, окрасив мир в Темное и Светлое, Победу и Поражение, Добро и Зло.

А проигнорировать предсказание о собственной смерти стало третьей ошибкой. Пророчество уже исполнялось, но я решила не принимать его в расчет и в назначенный день смерти попыталась овладеть Великой Силой.

Всего три ошибки — и я умерла.

Но я вернусь и отомщу за свою смерть.

ГЛАВА I

**ПТИЦА ПОЕТ НЕ ПОТОМУ,
ЧТО ЗНАЕТ ОТВЕТ.**

**ПТИЦА ПОЕТ ПОТОМУ,
ЧТО У НЕЕ ЕСТЬ ПЕСНЯ**

«Позвони»

Виски сквозь сон прошило обжигающе резкой болью. Девушка беспокойно завертелась в кровати, тщетно пытаясь принять удобное положение. Спать хотелось нещадно, голова была словно чугунная, но короткая фраза продолжала назойливо жужжать в сознании.

Казалось, вселенная перестала существовать: одно только пронзительное «позвони» зациклилось на волнах боли.

«Отстань, — подумала девушка. — Замолчи!»

Не открывая глаз, с силой сдавила пальцами виски, однако это не помогло. Тогда она резко села в постели и окончательно поняла, что без лекарства от боли в этот раз не обойтись. Потянувшись к тумбочке, она настороженно застыла: обстановка выглядела непривычно. Комната, представшая перед ее глазами, казалась неправильной. Вот толь-

ко причина внезапного диссонанса от затуманенного разума неумолимо ускользала.

Света было мало, и в сумраке комната — точно чужая — казалась и негостеприимной. Тонкий цветочный аромат — единственное, что придавало ей уют. В остальном обстановка выглядела строго и аскетично: кровать из темного дерева с шелковым мятым балдахинном, чуть дальше такой же темный стол с устаревшими письменными принадлежностями и колокольчиком, небольшой шкаф со свитками и сундук. И все.

Девушка сосредоточилась на слове, которое назойливо вертелось в голове. Но смысл его ускользал. «Позвони»... Простое совсем слово. Означает простое действие. Вот-вот готовое сорваться с языка. Оно вызывало зудящее беспокойство, звучало в голове все громче и громче, превращаясь в строгий приказ, но смысл его все еще ускользал.

— Позвони, — произнесла девушка вслух и удивилась: кажется, это должно звучать иначе?

«СПАСИ ИХ!»

Фраза ворвалась в ее мысли, вызвав очередной приступ острой головной боли. В глазах у девушки потемнело. Не сознавая, что делает, она встала с кровати, потянулась к колокольчику на столе и отчаянно им затрясла.

«Позвони... в колокольчик!», — озарило ее пониманием, когда тревожный звон разнесся по комнате.

Сжимая в руке колокольчик, девушка вдруг почувствовала, будто подыгрывает неизвестно-

му голосу в голове, принимая правила некой игры и запуская винтики собственной судьбы в часах вечности.

— Чживэй! Чживэй! Ты очнулась!

— Чживэй очнулась!

В комнату вбежали мальчик и девочка, оба примерно семи лет. Темноволосые, почти одинаковые, они были одеты в традиционные одежды ханьфу. Лица их сияли безмерной радостью. Дети бросились к кровати, запрыгнули на нее и обняли девушку.

— Я знал, что ты очнешься!

— Нет, это я знала! Я знала первая. Ты мне, Чживэй, первой сказала!

Близнецы стиснули девушку в по-детски крепких объятиях, и та послушно обняла их в ответ. Она прижала их к себе, вдыхая сладковатый аромат персиков, исходивший от их волос. Ребята сжимали ее так сильно, взгляды их сияли такой искренней, такой невинной любовью, что сердце Чживэй защемило от нежности. Она ласково провела по их волосам. И замерла.

Нет. Что-то не так. Она даже не знает этих детей. Не знает имени Чживэй. И все вокруг напоминает фольклорную деревню времен империи Сун.

Реальность расщепилась. В одной она сидит в кабинете, торопливо набирая какое-то сообщение на телефоне, а во второй — к ней крепко прижимаются незнакомые дети.

— Чживэй, ты проснулась! — послышался новый голос и реальность опять схлопнулась.

В комнату вошла девушка. «Чживэй», так ее теперь все называли, рассматривала вошедшую, смутно узнавая. Миловидная девушка с каштановыми волосами и зелеными глазами. Черты ее лица были мягкими и нежными, движения – плавными и размеренными. В традиционной одежде нежных цветов, с волосами ниже пояса. Весь ее облик вызывал чувство умиротворения.

— Лю Цзи! Лю Ши! Хватит прыгать на сестре, лучше бегите на кухню и принесите ей рисовую кашу. И осторожнее, не разлейте!

Дети в ту же секунду спрыгнули с кровати, излучая одновременно разочарование и озорство, и побежали к выходу. Чживэй поняла, что если и получит кашу, то останется там только несколько ложек на доньшке.

Незнакомка проводила их взглядом, после чего весь ее благопочтенный образ пропал, она кинулась к Чживэй и горячо ее обняла.

— Ах, сестра! Я так тосковала! Ты спала три недели. С каждым днем мне все сильнее казалось, что это уже навсегда.

— Я... — начала было Чживэй и оборвала себя на полуслове, не зная, что сказать.

Она не помнила даже своего имени, пока его не назвали, не говоря уже обо всех этих людях.

Девушка, назвавшаяся сестрой, пристально посмотрела на Чживэй, а потом расстроено покачала головой.

— Ох, Лю Чживэй, ты и правда забыла... Я — Лю Мэйцзюнь, твоя сестра. Ты предупредила нас,

что впадешь в сон, а когда проснешься, то ничего не будешь помнить. Ты говорила, что это важно, и мы не спрашивали... а ведь теперь ты и не сможешь рассказать. Какая же я глупая, думала, что расспрошу тебя, когда ты очнешься! Однако теперь вижу, ты растеряна. Но я рада, что не сторонись меня! Я ужасно боялась, что ты проснешься и не захочешь с нами больше говорить. Все потому, что...

Мэйцзюнь говорила взволнованно и не умолкала ни на секунду, пока готовила дневной наряд для Чживэй. Речь из нее лилась легко, точно журчащий ручей.

— ...повернись, я уложу тебе волосы...

Чживэй подняла руку, прося Мэйцзюнь замедлиться ненадолго. Та послушно застыла у кровати со шпильками в руках.

— Я говорила, что все забуду? Я не объясняла, почему? — она пока не знала, в чем дело, но что-то было не так.

«СПАСИ ИХ».

Чживэй дернулась. Вновь этот голос в голове! Она коснулась виска: каждый раз голос приносил головную боль.

Кого спасти? Спасти их? Эту милую девушку и детишек? Им угрожает опасность?

— Что такое? Ты в порядке? — Мэйцзюнь испуганно взяла Чживэй за руку. — Когда вернется Лю Чжунъян, он будет счастлив узнать, что ты в порядке. Это твой брат. Мы все, — на этом месте она подозрительно отвела глаза, — очень любим тебя и очень

переживали за тебя. Ох, я все говорю и совсем-совсем забыла рассказать тебе кое-что...

Мэйцзюнь подскочила с кровати и подошла к стоящему неподалеку сундуку.

— ...Да, ты говорила, что все забудешь и что написала себе записки, которые я должна тебе передать. Ты подготовила несколько книжных свитков... Сейчас-сейчас.

Лю Цзи и Лю Ши вбежали обратно с серебряным подносом в руках. На входе они застопорились, не помещаясь вдвоем в дверной проем. Протискиваясь внутрь, близнецы толкали друг друга, каждый из них хотел первым войти в комнату, и, пока они сражались, каша разбрызгивалась на поднос.

— Мы принесли!

— Я принес! — заспорил Лю Цзи.

— Нет, я тоже держала поднос, — возразила Лю Ши.

— Ох, не балуйтесь! — пробормотала себе поднос Мэйцзюнь, копаясь в сундуке, однако было заметно, что она не сердилась, а просто повторила привычную фразу.

Чживэй невольно издала смешок, потянувшись к детишкам, когда они подбежали к кровати, и погладила их по голове.

— Спасибо.

Мэйцзюнь поднялась, держа что-то в руках, и уже строже посмотрела на малышей.

— Так, все, бегите, вашей сестрице следует отдохнуть.

Чживэй нагнулась, чтобы забрать еду из рук близнецов, но, когда ее взгляд упал на поднос, она так сильно вздрогнула, что едва не обронила его. Каша расплескалась по днищу, и Чживэй поспешно стерла кашу, чтобы взглянуть в отражение.

Ужасные красные глаза ярко горели на остром лице черноволосой девушки. С неприятием Чживэй разглядывала отражение. Нет. Это не она. У нее никогда не было таких красных глаз.

— Что со мной? — подавленно спросила Чживэй, рассматривая своих сестер и брата с совершенно обычными глазами.

— Ох, Чживэй, все разлилось! — всплеснула руками Мэйцзюнь. — А вы давайте, бегите отсюда.

Лю Цзи и Лю Ши открыли было рот, чтобы возразить, но в этот раз увидели, что спорить с сестрой бесполезно, и понуро поплелись прочь. Впрочем, с улицы уже опять раздался их смех.

Мэйцзюнь тем временем поспешно забрала поднос из рук Чживэй, на который та старалась не смотреть, не готовая даже мельком вновь увидеть ужасное отражение.

— Что со мной? Я болею?

— Нет-нет, ты абсолютно здорова! — воскликнула сестра, отводя глаза. Она застыла в неловкой позе, сжимая в руках письмо. — Ты и это забыла. Ох, как неудобно...

Она вдруг нагнулась ближе и перешла на едва слышимый шепот, словно говорила что-то очень грязное.